

КРОКОДИЛ

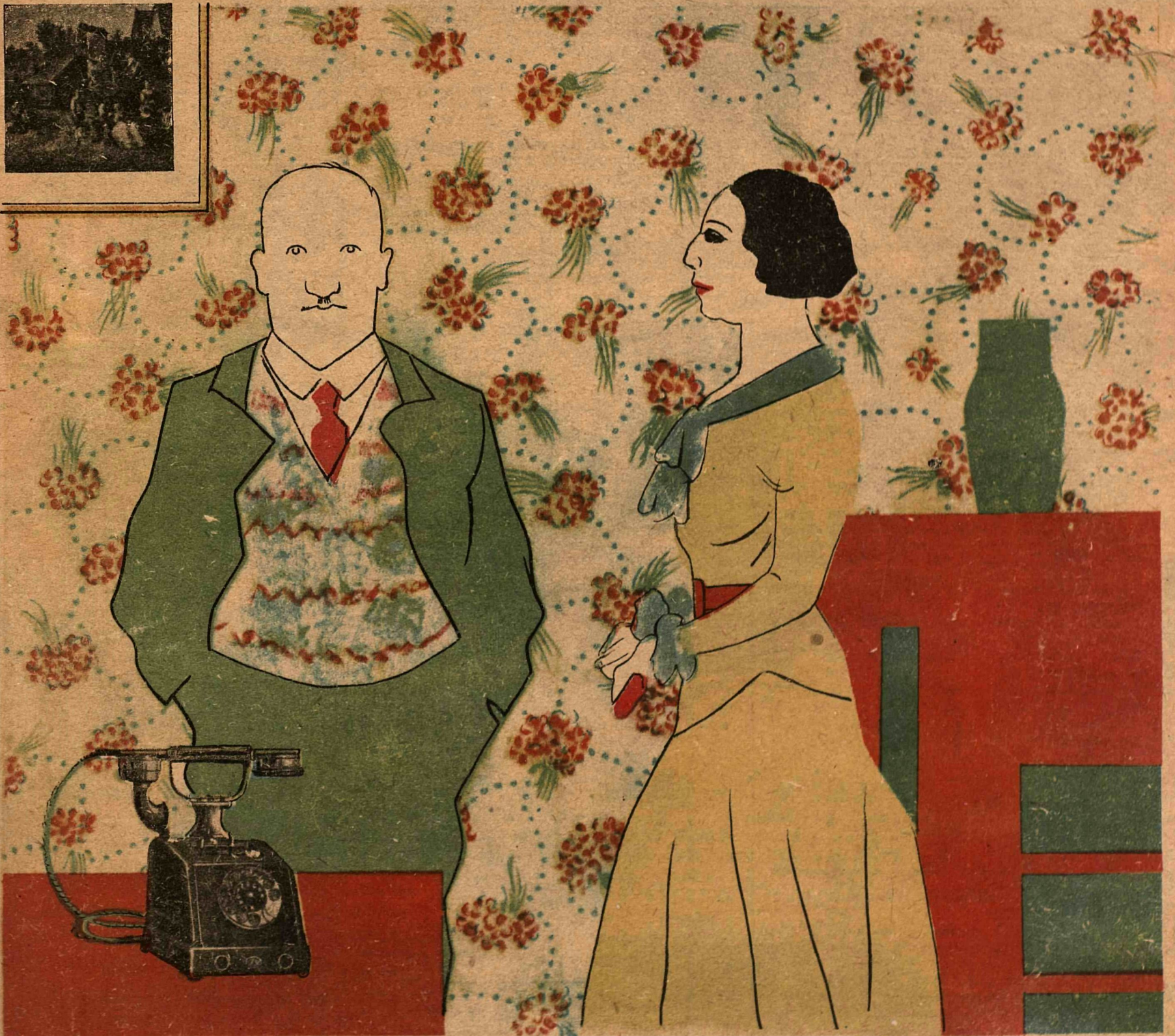
3-505/33

№ 1

январь 1933

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

(Л. Бродаты)

— Чего ты волнуешься? Ну, опять чистка, опять тебя будут спрашивать, что ты делал до семнадцатого года...

— Это пустяки. Лишь бы не спросили, что я делаю теперь.

34/2

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА

(Иллюстрации К. РОТОВА)

Я ехал однажды на велосипеде. У меня довольно хороший велосипед. Английская марка — БСА. Приличный велосипед, на котором я иногда совершаю прогулки для успокоения нервов и для душевного равновесия.

Очень хорошая, славная современная машина. Жалко только — колеса не все. То-есть колеса-то все, но только они сборные. Одно БСА, а другое немецкое — Дукс. И руль украинский. Но все-таки ехать можно. В сухую погоду.

Конечно, откровенно говоря, ехать — сплошное мученье и тоска, но для душевной бодрости и когда жизнь не особенно дорога, я выезжаю.

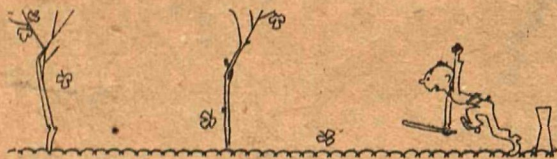
И вот, стало быть, еду однажды на велосипеде. Каменноостровский проспект. Бульвар. Сворачиваю на боковую аллею вдоль бульвара и еду себе.

Осенняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая трава. Грядки с увядшими цветочками. Желтые листья на дороге. Чухонское небо надо мной.

Птички щебечут. Ворона клюет мусор. Серенькая собачка лает у ворот.

Я гляжу на эту осеннюю картинку, и вдруг сердце смягчается, и мне неохота думать о плохом. Рисуетя приличная жизнь. Равенство и братство. И милые, понимающие люди. И уважение. И мягкость нравов. И любовь к близким.

И хочется всех обнять, сказать чего-нибудь хорошего или повести в столовую и накормить обедом. Хочется раздать деньги за все несчастья и за все перенесенные тяжести.

Но вдруг раздается вдалеке свисток.

„Кто-нибудь проштрафился, — говорю я сам себе, — кто-нибудь, наверное, не так улицу перешел. В дальнейшем, вероятно, этого не будет. Не будет этих резких и оскорбительных свистков, которыми в свое время обсвистали всю Россию“.

Снова недалеко от меня раздаются тревожный свисток и какие-то крики и грубая брань. Так грубо, вероятно, и кричать не будут. Ну, кричать-то, может быть, будут, но не будет этой тяжелой, оскорбительной брани и хамства.

Кто-то, слышу, бежит позади меня. И кричит осипшим голосом: — Ты чего ж это, сука, удираешь, еж твою двадцать! Остановись сию минуту.

„За кем-то гонятся“, — говорю я сам себе и тихо, но бодро еду.

— Лешка! — кричит кто-то. — Забегай, сволочь, слева! Не выпускай его из виду!

Вижу — слева бежит парнишка. Он машет палкой. И грозит кулаком.

Я оборачиваюсь назад. Седоватый почтенный сторож бежит по дороге и орет что есть мочи.

— Хватай его, братцы, хватай! Лешка, не выпускай из виду!

Лешка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда.

Тогда я начинаю понимать, что дело касается меня. Я соскакиваю с велосипеда и стою в оцепенении.

Вот подбегает сторож. Хрип раздается из его груди. Дыханье с шумом вырывается наружу.

— Хватай его, хватай! — кричит он.

Человек десять доброхотов подбегают ко мне и начинают меня хватать, мять руки и заворачивать их за спину.

Я говорю:

— Братцы, да что вы, обалдели. Чего вы с ума сошли совместно с этим болваном.

Сторож говорит:

— Как я тебе ахну по зубам, — будешь оскорблять при исполнении служебных обязанностей... Держи его крепче! Не выпускай его, суку!

Собирается толпа. Кто-то спрашивает:

— А что он сделал?

Сторож говорит:

— Мне 53 года, — он, сука, прямо загнал меня. Он едет не по той дороге... Тут на велосипедах проезду нет... И висит, между прочим, вывеска. А он, дьявол, едет... Я ему свисту. А он ногами дрыгает. Хорошо, мой помощник догадался палкой в него шибануть.

Лешка протискивается сквозь толпу, впивается своей клешней в мою руку и говорит:

— Я ему в руку метил. Я ему, гадюке, хотел руку перебить, чтоб он не мог ехать. Кэк ахнул...

— Братцы, — говорю я, — я не знал, что здесь нельзя ехать. Я и не хотел удирать.

Сторож, задыхаясь, восклицает:

— Он не хотел удирать! Вы видали наглые речи? Веди его в милицию. Держи его крепче.

Кто-то говорит:

— Руки-то не ломайте. Не ломайте ему руки.

Я говорю:

— Братцы, я штраф заплачу. Я не, отказываюсь. Не вертите мне руки...

Кто-то говорит:

— Пушай пред'явит документы, и возьмите с его штраф. Чего его волочить в милицию.

Сторожу и небольшой кучке добровольцев охота волочить меня в милицию, но под давлением остальной публики сторож, страшно ругаясь, берет с меня штраф и с видимым сожалением отпускает меня восвояси.

Я иду со своим велосипедом, покачиваясь. У меня шумит в голове и в глазах мелькают круги и точки. Я бреду с развороченной душой.

Я по дороге произношу реакционную фразу: „Боже мой!“ Я массирую себе руки и говорю в пространство: „Фу!“

Я выхожу на набережную и снова сажусь на машину, говоря:

„— Ну, ладно, чего там. Подумаешь, нашелся фон-барон — руки ему не верти“.

Я тихо еду по набережной. Я позабываю грубоватую сцену. Мне рисуются прелестные сценки из недалекого будущего.

Вот я, предположим, еду на велосипеде, с колесами, похожими друг на друга, как две капли воды.

Вот я сворачиваю на эту злосчастную аллеюку.

Чей-то смех раздается. Я вижу — сторож идет в мягкой шляпе. В руках у него цветочек — незабудка или там осенний тюльпан. Он вертит цветочком и, смеясь, говорит:

— Ну, куда ты заехал, дружок? Чего это ты сдуру не туда сунулся. Экий ты, милочка, ротозей. А ну, валяй обратно, а то я тебя оштрафую — не дам цветка.

Тут, тихо смеясь, он подает мне незабудку. И мы, полюбовавшись друг другом, расстаемся.

Эта тихая сценка улаживает мое страдание. Я бодро еду на велосипеде. Я верчу ногами. Я говорю себе: „Ничего. Душа не разорвется. Я еще довольно молод. Я согласен ждать“.

ПРИМИТЕ

И ПРОЧ

НЕ УБИЛИ ЛИ ВАШУ БАБУШКУ?

Для того чтобы получить визу в Америку, ученому Эйнштейну пришлось ответить в официальном порядке на следующие анкетные вопросы:

Как он относится к двоеженству, не сидел ли он в сумасшедшем доме, пьет ли он запоем и не везет ли с собой бомб для взрыва?

Ценен в данном случае тот индивидуальный подбор вопросов, каким консульство САСШ порадовало мирового ученого. Действительно, Эйнштейна, если и можно поймать на чем-нибудь, так это на запое, изготовлении бомб и сумасшествии.

РОДСТВЕННИКИ НАПРОКАТ

В Париже открылось специальное бюро, поставляющее на небогатые свадьбы салонных родственников напрокат для придания светского эффекта бракосочетанию.

Престарелый дядя — виконт, взятый напрокат, обходится всего несколько франков за вечер. Тетка — графиня из провинции еще дешевле, особенно, если ее кормить не за общим столом, а на кухне. Берет ли на себя бюро оплату пропавшего столового белья и никелевых ложек после пребывания прокатных родственников на свадьбе, неизвестно. Это уже чисто коммерческая тайна владельцев бюро.

ВАЛЕРЬЯНОВЫЕ КАПЛИ

„Нейе Фрейе Прессе“ сообщает:

что в Англии невероятно увеличилось количество женских игорных клубов, где светские дамы ведут самую азартную игру.

Надо же в дни кризиса очаровательным милэди сорвать хоть чужие банки в клубе, если их уважаемые мужья не могут удержать в целости собственные банки на Сити.

ЧЕРЕПА НА АРШИН

„Берлинер Тагеблат“ сообщает:

что в Будапешт прибыл американский ученый, который для своей научной работы измеряет черепа европейских парламентских деятелей.

Если американский ученый принял эту длительную работу для доказательства правильности теории Дарвина, его успех заранее обеспечен.

Б.

НЕ ОЧЕНЬ СТРОГО

— Теперь, брат, строго: для того чтобы получить продкарточку, нужно работать!

— Это уж ты перегибаешь... Достаточно „занимать должность“.

В СВОЕЙ СЕМЬЕ

МУЖ. Новый дозунг дали: „Враг с партбилетом должен быть наказан строже, чем враг без партбилета“.

ЖЕНА. А ты слави, что ты его потерял...

ИВ.

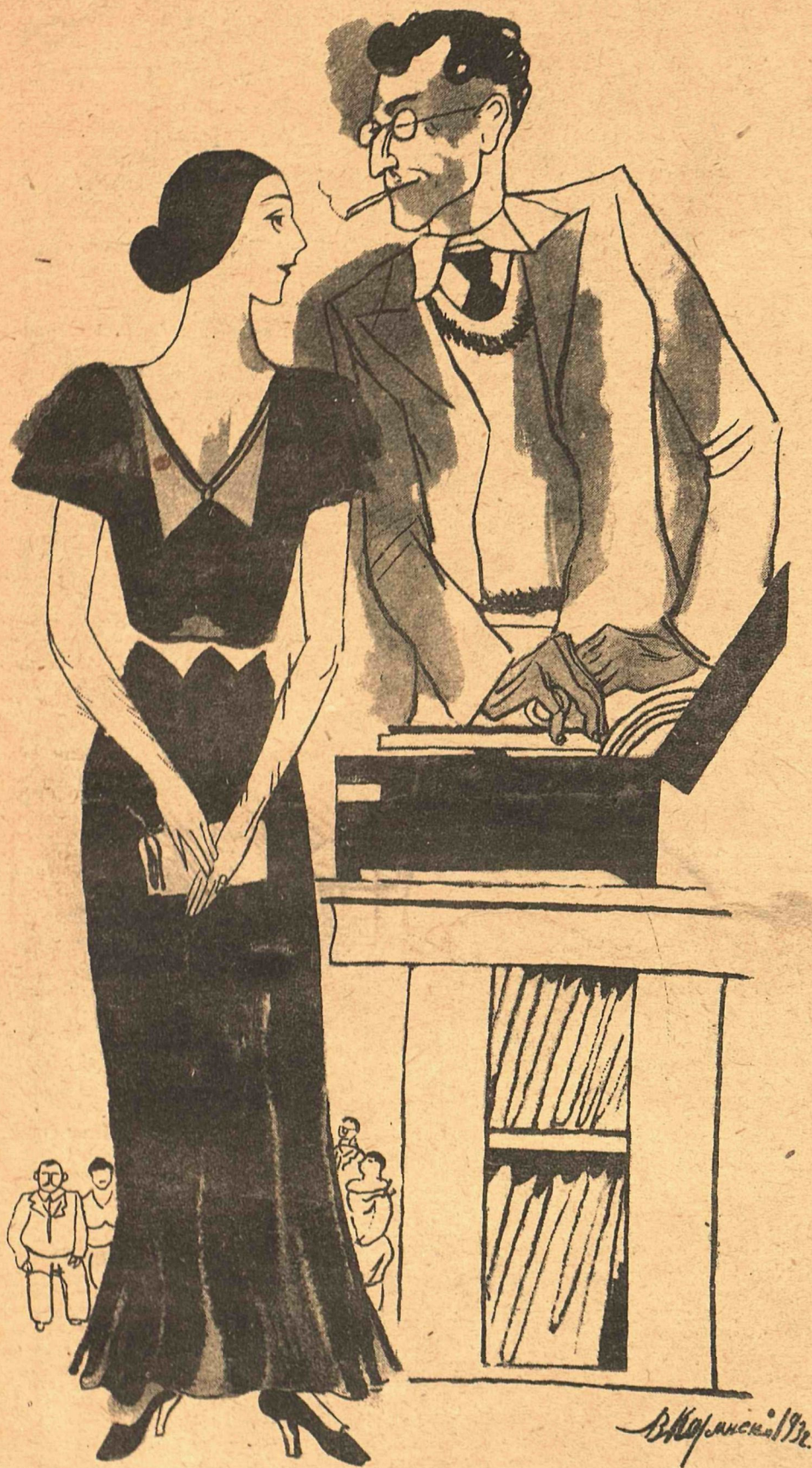

— Мой муж, бабушка, работает в Турунтайском представительстве. Погадайте, сократят его или нет?
— Сократят, красавица. Я сама там до вчерашнего дня работала секретарем.

У СОТРУДНИКА ФАБРИКИ ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНОК,

ИЛИ
„АХ, ЭТИ ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА“

(В Коалинский)

— Только не вздумай, Сеничка, поставить пластинки своего производства, а то гости разбегутся.

КРОКОДИЛЬИ НЕЗАБУДКИ

(очень интересные)

Легко сказать: борись с классовым врагом! А как его отличишь, ежели он сам бывает с биде-том!

Насколько я понял, решено в партии оставить только лиц, борющихся за коммунизм. По-моему, тут чистая формалистика. Ну, как я, например, могу заниматься борьбой, когда служба совсем не оставляет свободного времени. Некогда даже в кино сходить. Ей-богу!

Многие на чистке пьют воду в небывалом количестве.

Предостерегаю!

Практика показала, что излишний водопой порождает подозрение в неумеренном образе жизни и наклонности к напиткам.

ПРИМЕР ЧИСТОСЕРДЕЧИЯ

Итак, товарищи, чистка! Ну что ж... Я не возражаю. Пожалуйста, даже приветствую. Вообще, чистка освежает. В намеченной чистке многое, конечно, не ново.

Опять отрыв, опять бюрократизм, опять примазывание. Все это мы видели. Старо! Но вот новый пункт о чистосердечии и искренности мне очень понравился.

„Перед партией нужно быть честным и искренним...“

Прекрасно сказано! Сильно! Именно — честным и искренним. Я всегда говорил:

— К чему жульничать? Зачем нам обманывать самих себя. Но еще когда начнется чистка — неизвестно. Я думаю, товарищи, нам нечего ждать. Зачем откладывать. Как активист я иду навстречу. Я хочу быть чистосердечным уже с 25-го числа (24-е — выходной день). И не на словах, а на деле. Настоящим своим выступлением я хочу положить предел старому и начать совершенно новую, светлую жизнь.

Выступаю, так сказать, для почина.

Говорю честно и с воодушевлением! Я колебался и шатался. В чем же я колебался и шатался? Колебался я исключительно в вопросе о Дробачеве.

Товарищи, я покрывал обманщика и лицемера. Я молча допускал, товарищи, состояние в рядах тайного двурушника и приспособленца.

Хотел сообщить в ячейку, но откладывал со дня на день, колебался и шатался, как и подобает кислому интеллигенту. Боялся, заподозрят в склочничестве.

Теперь — другое дело. Теперь я воспрянул духом. Я не могу молчать. Я открываю свое сердце настезь и говорю начистоту:

— Дробачев, товарищи, обманывает партию. Дробачеву не место в рядах. Дробачевщину надо изжить с корнем.

С первого взгляда гнусность дробачевского поведения совершенно незаметна. Как будто все в порядке и даже — наоборот!

Посмотрите, как Дробачев входит в комнату бюро. Он входит свободно, точно не боится и не думает о неприятностях. Морда у него не выражает ни испуга ни озабоченности, глаза не бегают по сторонам. Будто зашел к другу и приятелю. А сам, небось, думает: „Ох, наверное, какая-нибудь нагрузка или неприятность!“ И когда секретарь объявляет о новой нагрузке в райкоме, ни один мускул не дрогнет на дробачевской морде. Дробачев даже не отказывается. Кряхтит и спокойно едет в райком.

Вы, конечно, думаете — сознательный парень! Да! А я-то знаю эти штучки. Мне-то хорошо известна такая системка. Будешь отказываться — выйдут неприятности. А согласишься — все обойдется благополучно. И ты герой! Можешь ходить нос кверху и говорить через каждое слово: „У нас в райкоме“...

Вот почему Дробачев никогда не отказывается.

Теперь насчет карьеризма. Здесь сомнений ни у кого не может быть. Он лезет и лезет вверх. Я на два года старше по стажу и по всему, а он и меня обскакал.

Но не в этом дело. Скажи сколько хочешь, но не надувай и не лицемерь! Я его как-то спрашиваю:

— Какая тебе бабушка ворожит?

А он нахально смеется:

— Растем, братцы, на работе растем...

Нашел дураков! Он, видите ли, растет, а другие не растут. Мы-то знаем, как люди растут! Разве не лицемер?! Примеров дробачевского лицемерия всех и не перечтешь.

Скажу напоследок еще только пару слов о бытовом загнивании Дробачева. Тут мы увидим тоже рельефную картину ханжества и обмана товарищей.

Дробачев живет в комнатухе и о квартире не хлопочет.

— Надо бы, да некогда, — ехидничает он, — годик, другой потерплю, тогда и без хлопот дадут.

Видите какого валяет дурака! Он потерпит, а другие почему-то не потерпят. Разыгрывает из себя аскета. Я-то знаю, что мы не аскеты. Знаю эти штучки с самопожертвованием и благородством. Только на нервы, поллеи, действует. Но — довольно! Скажу по правде — тошнит! Разумеется, я достоин осуждения. Столько времени колебался и не разоблачал, хотя жена и посылала.

Единственным оправданием для меня может послужить недостаток времени. Темпы.

Вы подумайте сами. Еще в 1929 году я, по собственной инициативе, решил быть безусловно искренним и чистосердечным. Но 29-й год отняла чистка. 30-й ушел на восстановление. В 31-м году еле опомнился и отдохнул. В 32-м году меня два раза открепляли от распределителя. Было, понятно, не до того. Темпы, товарищи, чересчур темпы!

Зато теперь я чист, словно стеклышко. И надо сказать, — душу свою раскрыть не легко. Я и сейчас не уверен, что все правильно понял мою искренность. Найдутся упрощенцы, вульгаризаторы и пошляки, которые скажут:

„Ага, сдрейфил перед чисткой, рад случаю наложить Дробачеву, метишь на его место“.

Разве они могут оценить светлый порыв и побуждение? Открываешь свои сокровенные раны, а пошляки смеются и зубоскалят.

Но я как интеллигентный человек пренебрегаю обывательскими толками и плюю в глаза. Мне важно показать пример чистосердечия. Чтобы за мной, не числилось больше никаких колебаний и шатаний.

БЕГ.

Б. САМСОНОВ

СИМПАТИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Каждый вечер,
Каждый вечер
В переулочке, где высокие дома,
Удивительный приходит человечек
К театральному подъезду сквозь
туман.

Не умел он проявить старанье,
Чтоб купить билет себе заранее,
Не был к темпу времени чуток —
И теперь надеется на чудо.

Вот стоит он,
Спрятав уши в воротник.
Видом — он влюбленному сродни,
Ожидающему ту, что опоздала.

А в театре уж наполнилось
ползала!

Зрители откидывают стулья,
Дружный производят этим залл.
Вот уже наполнился весь
зал!

А несчастный человечек
„Попаду ль я?“ —
Думает, театр подпирает —
„Попаду ль я за ворота рая?“

Ах, сейчас, сейчас уже начало...
Смотрит в зеркало
В последний раз Качалов,
Зал сидит на цыпочках, застыл, —
И под занавесом — это уж начало! —
Световые вспыхнули кусты!

Человечек бедный!
Знаю, ты

Спрашиваешь каждого у входа
(Где фонарь в тумане, как комета)
— Нет ли лишнего у вас билета?
Все спешат. Противная погода.
Слякоть. Все невежливые. Ад.
Видно, не попасть тебе в театр.

Уходи! Не состоится торг.
Уходи!
Забудь пустые бредни!
Видишь, — вот уж откатил пос-
ледний
Черный тихий, как сова, мотор.

Ты уходишь, неудачник мой...
Вероятно возвращаясь домой...
Ах, как вид твой
Грустно озабочен!
Ты оглядываешься из-за угла —
Фонари размазывает мгла,
И вода плывет, как рыба, под обочи-
ной...

Ты стоишь,
Нахохлившись по-птичьи,
Размышляя об обидах бытия...

Чем-то мне ужасно симпатичен
Человечек, что мечтал попасть
в театр!

Не грусти!
Взгляни на дело трезво!
Знаешь, кто ты, человечек робкий?

Знаешь ли?
Ведь ты же антитеза...
Антитеза! И кому? Европе!

Там билетов много лишних. Там
Веру в чудо больше не таят...
Пусто в залах!

Даже Рейнгардт сам
Лишний продает театр!

Человечек!
Не грусти по-птичьи,
Размышляя об обидах бытия...
Чем-то нам ты очень симпатичен,
Человечек, что мечтал попасть
в театр!
Ю. ОЛЕША-ЗУБИЛО

Илья Ильф • Евг. Петров

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ТИП

Во всех частях Советского союза уважают американцев и только в одном месте Союза это здоровое чувство внезапно потускнело.

Началом всей истории послужило объявление в „Известиях“:

Американский гражданин АРЧИБАЛД СПИВАК

разыскивает своих родственников. Он просит их откликнуться по адресу: Нью-Йорк, 68-е авеню, 196.

Кого не взволнуют слова: американский гражданин, Нью-Йорк и авеню! В городке, где жили советские Спиваки (их было много, 200 Спиваков на 2.000 человек жителей) этот номер „Известий“ продавался по три рубля за экземпляр. Спиваки плевались, но платили. Им хотелось своими глазами прочесть призыв американского родича.

Сомнений не было. Надвигалось что-то очень хорошее.

Чудесные мечты охватили советских Спиваков, политический уровень которых был весьма невысок. Читая находку волшебное объявление, они плелись по улицам, сослепу сталкивались друг с другом, и идиотские улыбки возникали на их лицах.

Вдруг им захотелось за океан, захотелось какого-то анархического стихийного счастья и родственных объятий Арчибалда. Захотелось им ещё разок пожить в капиталистическом обществе.

Делались догадки, предположения, вспоминали всех Спиваков, уехавших когда-либо за границу. И, наконец, вспомнили. Нашлась даже фотография. Даже две фотографии. На одной Арчибалд был представлен младенцем, и золотая подпись с росчерком „Рембрандт“, указывала на то, что снимок был сделан еще в России. На другой, американской, Арчибалд был заснят в таком виде: на голове котелок, а в руках мягкая шляпа, что одно уже указывало на сказочное богатство родственника.

— Это тот Спивак! — значительно сказал инкассатор Спивак, делая ударение на слове „тот“. — Продусер! Коммерсант! Видное лицо в деловом мире.

Другой Спивак, милиционер, снял войлочную каску, обмахнулся ситцевым платком и гордо добавил:

— В деловом мире. На Уолл-Стрит.

И тут все поняли, что надвигается действительно что-то очень хорошее.

Забывший старинный ветер коммерции подул на них вдруг из ньюйоркских ущелий, где обитал их великий родственник.

Единое чувство овладело всеми Спиваками, чувство любви к родному капиталистическому хищнику. Мерещились им Торгсин, какие-то вещевые посылки и, кто знает, может быть, приглашение переехать на жительство в Нью-Йорк, на 68-е авеню. Замечательное слово — авеню!

Вечером Спиваки писали письма. И хотя делали они это тайно один от другого, все письма начинались одинаково: „Здравствуйте, наконец, дорогой Арчибалд“. — Так писал и Спивак — милиционер, и Спивак — инкассатор, и Спивак — курортный агент, и Спивак — фуражечник и кепочник, и Спивак — бывший прапорщик выпуска Керенского и даже Спивак — „марксист“. Была такая фигура в клане Спиваков — „марксист“, но не большевик, бесплотная надклассовая тень без определенных занятий.

Все они заверяли Арчибалда в любви и сообщали свои адреса.

Два месяца длилось молчание, ни звука не доносилось из Соединенных штатов. Казалось, Арчибалд внезапно охладил к своей советской родне. А может быть, напортил „марксист“, написав ему что-нибудь оскорбительное про

прибавочную стоимость. А может быть, родственник был занят пропихиванием Рузвельта в президенты. А может быть, Арчибалда и самого выбрали в конгресс, и до него теперь рукой не дотянешься.

Вдруг пришла телеграмма на имя Спивака — курагента. Потрясающее известие! Арчибалд извещал о приезде.

— Лично, персонально, в собственные руки! — В бессмысленном восторге бормотал курагент.

Ему завидовали. Считали, что он возвысился, что какими-то неведомыми путями завоевал особенную любовь американского гражданина. Курагент и сам понимал, что отныне „он счастья баловень безродный, полудержавный властелин“.

— Там, — говорил он, наклоня голову в сторону Североамериканских соединенных штатов, — там курагенты тоже нужны.

Велико было скопление Спиваков на станции в день приезда Арчибалда.

Ожидали крушения поезда, потому что начальник станции тоже был Спивак и так волновался, что мог бы в ажиотаже принять состав на занятый путь. Спиваки все время угрожающе шикали на него, напоминая ему о суровой железнодорожной действительности.

Последние два часа все молчали, подавленные ожиданием, и только „марксист“, которому стало совестно, что он встречает капиталистического магната, болтал, что пришел из любопытства. Но и он присмирел, когда высокий поезд вошел на станцию.

Арчибалда узнали сразу. Он сиял, как жар-птица. На нем был мохнатый пиджачный костюм, шляпа и вечный воротничок „Дакота“, который можно мыть под краном холодной водой, чем устраняется необходимость покупать и стирать воротнички. Но Спиваки не знали тайн капиталистического быта, и воротничок „Дакота“ показался им верхом мыслимого на земле благополучия и процветания. Спиваки ничего не знали.

Бледный „марксист“, прижавшись к стене, глядел на блистательного представителя иной системы. Старый фуражечник-кепочник раскрыл объятия и двинулся навстречу дорогому гостю. Подойдя к Арчибалду вплотную, он внезапно пощупал тремя пальцами материал его пиджака, остолбенело молвил: „Настоящая полшерсть“ и заплакал. И это были самые сладкие слезы на земле. Если бы их можно было собрать в графин, то уже через полчаса они бы засахарились.

Бывший прапорщик-рубача, со словами „Гелло, Арчибалд“, ударил родственника по мохнатой костистой спине. Родственник так же радостно хлопнул по спине рубачу. И долго они били друг друга по спинам, восклицая: „Гелло, гелло!“ в то время как остальные Спиваки стояли вокруг и одобрително качали головами. И только почувствовав лому в спине, бывший прапорщик уступил место другим.

Спивак — милиционер расцеловался с родственником, предварительно взяв под козырек. Курагент, в карманах которого уже шелестели воображаемые доллары, раздвинул толпу и с боярским поклоном провозгласил:

— Добро пожаловать, чем бог послал! Инкассатор, державший на руках девочку, ловко отпихнул боярина и протянул ребенка американцу.

И тут произошло то, чего не ждал никто из Спиваков, произошло невероятное. Арчибалд поцеловал девочку и растерянно посмотрел на родичей. Его маленькое лицо покривилось, и он тихо сказал:

— Я не имею на жизнь!
— Гелло! — крикнул не расслышавший дурак — прапорщик. — Гелло, старина!
— Тише! — закричали перепуганные Спиваки. — Что он сказал?

— Я не имею на жизнь, „джентльмены!“ — грустно повторил американец. — И вот я приехал к вам. На этот раз расслышали все, даже старина — прапорщик.

— Приехали к нам? — спросил курагент, заметно волнуясь. — Жить?
— Жить, — подтвердил Арчибалд.
Тут инкассатор пугливо перенял девочку к

себе на руки. А курагент, который был по совместительству еще и гостиничным агентом с привычным бессердечием вскричал:

— Свободных номеров нет.

И расталкивая родственников, он побежал с вокзала, крича, что загружен и не имеет времени на пустые разговоры с разными отрицательными типами. Лицо Арчибалда еще больше затуманилось, и он закрыл лицо руками. С удивлением и страхом смотрели отечественные Спиваки на Спивака заокеанского. Родственное кольцо, сомкнутое вокруг американца, стало разжиматься.

Творилось непонятное дело. Плакал человек в чудном полушерстяном костюме, барской шляпе и вековом воротничке „Дакота“.

— Мы имеем тут налицо, — сказал вдруг милиционер тоном пророка-докладчика, — типичный результат анархии производства и нездоровой конкуренции. Мы имеем перед собой на сегодняшнее число дитя кризиса.

Когда Арчибалд отвел руки от лица, на перроне уже никого не было.

Пять дней он кочевал по городу, переходя от одного родственника к другому и возбуждая своим аппетитом и чистеньким видом отвращение к капиталистической системе. Особенную гадливость вызывало то, что великий Арчибалд умел только торговать. Спиваки уже забыли, как жадно внюхивались они недавно в старинный колониальный воздух коммерции. А на шестой день отрицательный тип был отправлен назад в Североамериканские соединенные штаты. Билет до границы обошелся Спивакам в шестьдесят семь рублей ноль восемь копеек. И эта рана зияет до сих пор. Если же напомнить добрым Спивакам тот страшный день, когда они платили по три рубля за номер „Известий“, они начинают мычать, словно им сверлят зубы бормашиной. Что же касается капиталистической системы, то о ней больше нет разговоров.

Доверие к Америке подорвано навсегда.

И. ИЛЬФ, ЕВГ. ПЕТРОВ.

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откусать,

Но помысел другой тут был.

Чудак-хозяин ВАПМ любил

И завлекал ВАПМ'уку слушать.

Пошла симфония: кто — в лес, кто —
по дрова,

Кто — по субсидию...

Гость олушает едва,

Но чтоб солисты, час неровен,

Не разобиделись, сказал, игру
хваля:

— Как хорошо звучит Бетховен

В аранжировке Ковалля!

— Н-ну, — возразил хозяин, — сна-
жем,

Они немножечко дерут,

Но уж зато... всегда берут

Идеологией и стажем!

Я в жизни в нотную тетрадь

Не заглянул и в пьяном виде.

Но, и не знал нот, на иде-
ологии легко сыграть!

НЕУДАЧНАЯ ПОКУПКА

Всесильный случай — злой шутник.

В каком-то из Мостропов

Писатель к ужину купил себе язык, —

Ан оказалось: он — эзопов.

Друзья-сатирики! По мнению моему,
Нам этаким языком сегодня ни к чему.

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

(Рисунок К. РОТОВА по картине КАРЛА БРЮЛЛОВА „Гибель Помпеи“)

ХУДОЖНИК РОТОВ СЧИТАЕТ, ЧТО ПРОИСШЕСТВИЕ В ПОМПЕЕ, ИЗ ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕЛОВЫЕ БУДНИ КАКОГО-НИБУДЬ НЬЮ-ЙОРКСКО

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

ОБРАЖЕННОЕ БРЮЛЛОВЫМ В ЕГО ЗНАМЕНИТОЙ КАРТИНЕ, ВО ВСЕ НЕ ТАК УЖ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО. ЭТОТ УОЛЛ-СТРИТ, ЛОНДОНСКОГО СИТИ ИЛИ ЛЮБОГО КВАРТАЛА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ БАНКОВ НИКОЛЬКО НЕ УСТУПАЮТ ЭТОЙ КАРТИНЕ ПО КРАСОЧНОСТИ И ЭКСПРЕССИИ.

СТАРИЧОК

(Иллюстрация автора)

Из-за угла вышел, качаясь, старичок в распахнутом пальто. Первые пять шагов старичок улыбался, шевеля желтыми усами, затем шагов на восемь он помрачнел, стал бормотать, при чем щеки его вдвигались в беззубый рот, будто владелиц их что-то сосал, потом опять заиграла усами улыбка: старичок был явно навеселе. У щита с афишами стоял аккуратный прохожий в больших очках. Старичок остановился подле прохожего.

— Цирк? Цирком интересуетесь? — сказал старичок, хотя на щите циркового анонса не было вовсе. — Знаем. Бывали: парад-алле, двойной нельсон, комбина... комбинац... комбинационный акыт... Папиросочки не найдется?

Прохожий отрицательно покачал головой. Старичок снова забормотал, производя сосательные движения щек.

— Нет, вы мне лучше вот что скажите: справедливо это по-вашему, да?

— Что справедливо? — спросил прохожий.

— Ясно что: наше положение.

— Чье ваше?

— Чье, чье... Ну, наше, стариковское. Вот вы возьмите, к примеру, меня. Я сам — старик с 1922 года. Или хорошо — будем считать с 27 года. Я согласен. Пускай с 27-го. Что же теперь является? В свое время, конечно, у меня был свой старик: отец. Так сказать, папаша. Какое мое было к нему отношение? Почет — раз, уважение — два, исполнение желаний — три. Просто в теперешнее время нельзя себе представить до каких безобразий доходили в смысле почета, а почему? Ясно: у папаша — деревянное домовладение, у папаша — движимое, у папаша, может, что-нибудь где-нибудь отложено... После-то оказалось, что всего и наследства по нотариальной описи на две тысячи ноль, ноль девять рублей. А мы-то, то-есть дети, старались! На день рождения — подарок, на именины — другой, в день бракосочетания с покойной мамашей — третий. Угождения. Поздравления в двенадцатые праздники. Просфоры. А папаша был в последние годы капризным, царство ему небесное, равно баба в положении: то кваску ему достань, то моченых яблочек, то образок из Киево-печерской лавры... Ну, а у нас какой расчет? Наследство — наследством, а насчет измывательств — ладно, ладно, вот он у меня свой сын растет. На нем сквитаемся...

Старичок замолчал; щеки опять задвигались.

— Ну, — поторопил прохожий.

— Что ну? Вот теперича я сам старик с 1927 года. Какое же от меня наследство?.. А какое наследство, такой и почет. Только и слышишь: „Папаша, помолчите! Папаша, вы не понимаете в политике! Смотрите в очередь, папаша! Не тратьтесь на моченые яблоки, папаша!“ Что же, значит, выходит? Мой-то старик от своего отца терпел, так я его в старости ублажал. Выходит — навкит. Сын меня теперь собачит, зато и его в старости по шерстке не поглядят. Опять — навкит. А я, как болван, и отца чтит и от сына ничего не вижу. Выходит, самое мы обиженное поколение.

Прохожий пожевал губами и заметил:

— Ну, я думаю, ваш пессимизм не вполне уместен... К тому времени, когда ваш сын составит, нравы изменятся. Не думаю, что и ему придется терпеть от своих детей...

— Так-с, — сказал с ехидной гримасой старичок, — спасибо. Порадовали. Значит, этот сукин сын двух зайцев сразу: и сам не чтит и его будут чтить. Порадовали. Это, значит, я совсем в дураках!.. Спасибо. Утешили. Интересный, выходит, комбинационный акыт Двойной нельсон, так сказать. Последнего вы меня покоя лишили...

Старичок горестно хмыкнул и поплелся дальше, производя сосательные движения щек.

„ОБЩЕСТВЕННАЯ НАГРУЗКА“

— Спокойной ночи!.. — За последним гостем

В прихожей глухо щелкнули замки. Селедки бывшей сиротливый хвостик Глядит о тарелки символом тоски.

И грустен стол, как остов обгорелый, Как урна для окурков и плевков. О, жалкий вид замазанных тарелок, Залитой скатерти, наддушенных кусков!

На штопоре — раскрошенная пробка, Посыпан пеллом запотевший сыр, Консервная корекитора коробка, Как будто хочет выговориты — Б-р-р!

Был крик и шум. И сразу пусто стало. В ушах, как вата, тает тишина. Стрелы улыбки, скучно и устало Глядит на жума бледная жена.

Открыта форточка. Холодом пахнуло. Шум из кушетки делает кровать.

— Ах, я бы так на стуле и уснула! — Так в чем же дело? — Надо бы при- брать.

— Успеешь завтра!.. — Но жена хлопочет, Сменяя костюм от брошки до чулок, Торопится и хочет, страстно хочет Поговорить и подвести итог

— Андрей Петрович стал совсем, как палка,

А у Аннеты — безобразный грим... Ты не нашел, что он какой-то жалкий? Ты слышишь? — А что? — Давай поговорим!

А как он пьет! Я прямо растерялась, Когда о женой Колесников пришел. Но в общем даже чуточку осталось. Хватило всем. И было хорошо.

Жена Закатова держалась просто... Но твой Петров!.. Ты спишь? — Нет, нет! Не сплю...

— Я не звала бы этого прохвоста, Я пошляков подобных не терплю.

А Лидочка?! — И все, кого в прихожей Расцеловали о родственном теплом, Вдруг оказались „дурой“, „гримзой“, „рожей“, „Нахалкою“ и „просто бараклом“.

— Как ты находишь, — все сошло прилично? Ты слышишь? — Нет, нет!.. — Печенье, пастила, Салат, консервы, выпивка... Я лично Старалась так, как только я могла!

Шум захрапел под шерстяной говор женин. Не может он, как надо, оценить Ее хлопот, стояний, унижений, Сверхсметных трат, готовки и стряпни.

— Да! Нелегко принять гостей ораву! Но не напрасны хлопоты и труды! Теперь и мы начнем гостить по праву. Мы их позвали — пусть они зовут!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУШАЧ

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

По бульвару шли двое. Англичанин с любопытством оглядывал все, что попадалось ему навстречу: большевистские лица, большевистские жесты, почки на большевистских деревьях. Другой был юноша, студент Московского университета, очень доволный, что может попрактиковаться в хорошем английском языке. Все было предметом их спора: установления, нравы, прекрасное, Кант, танк. Такие благожелательные споры, очень распространенные сейчас на заводских площадках, в клубах, в театральном фойе, — всюду, где встречается иностранец с русским.

— Значит, ваше поколение сознательно жертвует собой? — сказал англичанин, садясь на скамью. Студент посмотрел на него с возмущением.

— Откуда вы это взяли? — сказал он. — Из ваших газет? Но вы сами здесь, убеждайтесь. Я согласен, последующее поколение будет жить богаче, удобнее. Мы готовим для него счастливую жизнь. Да, в нашей жизни вместе с новыми, прекрасными чертами еще присутствуют неустройства, иногда — лишения. Жизнь нашу можно уподобить городу, скажем, Москве. Между прекрасными новыми зданиями еще торчат кое-где старые, темные избушки. Но и мы живем полной грудью. Мы знаем вкус вещей. Мы наслаждаемся искусством. Мы веселимся. Мы любим.

— Ну, — скептически сказал иностранец, — любить вам некогда из-за вашего социалистического строительства.

— Мы любим, — сказал студент и протянул руку. В дальней аллее шли, обнявшись, юноша и девушка, вздыхали, никили, целовались.

— Мы любим, — победоносно повторил студент и вдруг поблел: он узнал во влюбленных Тонищу Треплеву и Сашу Розенцвейга. Он нервно попрощался и пошел за ними.

— Мы даже ревнуем, кажется, — пробормотал англичанин, смотря ему вслед с видом честного малого, умеющего признать свое поражение.

ВОН!

Среди неловкостей, распространенных в Москве, самой страшной я признаю неловкость расставанья. Есть люди, не умеющие прощаться. Таков мой приятель Николай Скобло.

Вот он приходит ко мне. Я рад ему. Он тих, умен, приветлив. Мы беседуем час, два. Мы исчерпываем все темы. Нам больше не о чем говорить. Мы не собирались посвятить друг другу жизнь. Мы хотим расстаться.

— Ну, я пойду, — говорит Скобло. Он говорит это уже в десятый раз. Он не умеет уйти. Ему нужно пройти через акт прощания. Но тут ужасная непростота упадает на Скобло. Ему кажется, что он должен заключить визит каким-то сложным пируэтом — пируэтом дружбы или благодарности, или злобы, или покровительства. Он не может выдать из себя ни одного из этих простых чувств.

Он краснеет от натуги. Он начинает в отчаянии косить.

— Ну, я пойду, — бормочет он. Он не уходит. Он лишен дара удаляться.

Достаточно ему попасть куда-нибудь в учреждение или знакомым или даже в такой простой маленький рассказ, как этот, — он способен торчать до бесконечности, презирающая его в попытку длинного психологического романа. Но я его выгоню! Автор здесь покуда я!

ЗИМОВКА НЕИЗБЕЖНА

(Профессор Визе в Москве)

(В. Колинский)

— Оказывается, Великий северный путь — это чепуха! Вот перейти небольшой московский дворик — куда труднее!

(К. Елисеев)

Уже по одной „Истории молодого человека XIX столетия“ мы знаем, что на данном отрезке времени буржуазные молодые люди веселились мало и плохо.

Сидя дома, они с такими стенаниями и воплями писали заунывные стихи в честь незнакомых лавочниц из пригорода, что соседи в порядке самодеятельности выкидывали их на улицу, где им оставалось или погибать на дуэли или об'язать себя непонятыми гениями и пить в долг прокисшее пиво у вдовы гробовщика.

В путешествиях на их долю выпадало мрачное созерцание на корме хвостов чаек и обливание судового инвентаря длинными, пахнущими скверным сортом одеколона слезами. Из приличия все эти сорта развлечений назывались — байронизмом.

Современный западный молодой человек веселится иначе. На дуэли ему погибать некогда, так как он занят скупкой и перепродажей нефтяных остатков: внезапная смерть могла бы оторвать его от получения следуемых комиссионных. На чаек он смотрит без слез, а с почтительным уважением, так как его дядя спекулирует на перекраске чаечных хвостов в страусовые перья. Осталось только одно пиво, перешедшее как культурное наследие от одного века к другому. Поэтому об организованных развлечениях буржуазного молодняка сегодняшнего дня чрезвычайно интересные подробности рассказывает берлинский „Локаль Анцейгер“.

Вот в каких клубах развлекался сегодняшний молодой человек в Европе. Мадрид. Столица Испании, только-только пережившей революцию. Здесь расцвел „Клуб грубиянов“. Членами клуба могут быть:

„Молодые люди, знающие наибольшее количество ругательных слов и умеющие их употреблять в разговоре“.

Простой ругатель, передаваемый у нас без особой помпы в верные руки постового милиционера, потерялся бы в общей массе уважаемых членов клуба. Здесь уже достигнут известный производственный рекорд, по которому надо равняться.

„Сам председатель клуба выдвинулся так, что может 3 часа без прерыва ругаться, не повторяя два раза одних и тех же слов“.

Клуб, конечно, зарегистрирован. В официальные дни, наверное, выражает свою верность республике и существующему строю.

Берлин. „Клуб восточных азиатов“.

Недавно был даже особый экстренный съезд членов клуба и подтверждены три основных пункта его идеологической базы:

„1. Цель клуба—пьянство. 2. Пьянка проводится каждое воскресенье. 3. Два члена клуба, встретившихся и не выпивших по этому поводу, — исключаются“.

Дерпт (Эстония). Здесь нравы тише, ругаются на окраинах, а пьют в трактирах, но идейное объединение молодежи идет по такому признаку, возглавляемому популярным клубом,—

„Длинных парней“. Членами клуба могут быть учащиеся, ростом не ниже 1,80 метров“.

От хвостов до головы или от головы до хвоста—этого в уставе не сказано. Подразумевается: молодежь сходится, вымеряет себя сантиметром, пишет декларации и веселится.

А в промежутках между весельем крестит рот маленькими крестиками во время зевков и опасно поглядывает в нашу сторону...

Так веселятся молодые люди в XX столетии.

АРК. БУХОВ

ЗАВ И СТИЛЬ

Внедрить крольчатник приказав,
Какой-то зав
Стал обсуждать, засев за специальный томик,
В каком бы стиле стронть этот домик.
Не подкупал его ни рококо
Ни стиль ампира,
И в поисках зашел он далеко,
Зашел в эпоху полководца Пирра...
Покамест зав над стилем морщил лоб,
Для кроликов пришлось постронть... гроб.

Мораль в две строчки не свести ли:
Не в каждом деле выедешь на стиле!

В. ГРАНОВ

— Все равно, милочка. Партийный ли у тебя будет муж или беспартийный, лишь бы в ЗРК служил.

1-го ЯНВАРЯ НА ЗАВОДЕ

(Л. Гонч)

— Вы опять вчера напились?
— Грех вам напоминать. Ведь это было в прошлом году.

Оформление журнала Л. Бредаты. Журнал набран и ступечатан во 2-й типографии „Правда“. Фотомаханк — П. Магков. Репродукция под руководством Г. Жимеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Зав. печатным отделением—Д. Егоров и А. Давыдов.

О ответственный редактор **М. МАНУИЛЬСКИЙ** ● Редакция: **Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ** ● Заведующий редакцией **И. АБРАМСКИЙ**
 Адрес ред.: Москва, ул. Герького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подлинная цена на журн.—80 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
 Москва. Изд. № 74 Сдача текста и рисунков—19|XII. Подпись к печати — 28|XII. Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000
 Уполномоченный Главлита № В — 45164 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49. Зак. № 3253. Тираж 400.000 экз.

(М. Храповицкий)

...девушки гадали.
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали.

(В. Жуковский)

— Что ты делаешь? Как тебе не стыдно гадать в наши дни?

— Не волнуйся. Башмачок я получила вчера из коопремонта. Носить его теперь невозможно.

ШАЛОСТИ ПЕРА

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ

Литературный стиль кассиров весьма загадочен. Не менее туманно и отношение к этому стилю некоторых провинциальных изданий. Повидимому, только эти обстоятельства и объясняются появлением в «Красном Прикамье» следующего объявления:

«От кассы стройконторы потерян ключ. Считать недействительным. Кассир Дубовиков».

Не станем задумываться над тем, как будут реагировать оповещенные этой резолюцией шкафы, когда их будут отпирать недействительным ключом, но упо-

мянем, что подобный стиль весьма напоминает распоряжение нетрезвого марштенювского шинпера:

«Дельфинов, появляющихся в районе нашего корабля, рекомендую считать акулами».

В МИРЕ СЕНСАЦИЙ

Краткие и красочные очерки из семейной жизни трудящихся далеко не безынтересны для широких читательских масс, но все же рискованно помещать их в такой форме, как это делает «Поволжская правда» в отделе объявлений:

«Я, Копытина, разошлась с Хомуецким и больше с ним не живу. Копытина».

Мы полагаем, что вряд ли помещение таких сенсаций взволнует широкие читательские круги, кроме самого упомянутого Хомуецкого, который из руководящего краевого органа узнает о счастливых переменах в своей семейной жизни.

ШАПКА НАБЕКРЕНЬ

Случай с перепутыванием головных уборов весьма нередки в литературном обиходе. Всем, наверное, памятен случай с гоголевским городничим, надевающим впопыхах вместо шляпы картонную коробку. А совсем недавно «Литературная газета», помещая заметку о выходе парижского журнала «Против империализма» и новой книги Стефана Цвейга, наде-

ла на нее, тоже, очевидно, впопыхах, такую шапку:

«Цивилизованное варварство». Городничий, как известно, не показался на людях в картонной коробке. Полагая, что и «Литгазета» должна внимательно отнестись к своим шапкам перед выходом в свет.

РА БАЗАРИВАНИЕ ГОЛОВ

Газета «По рельсам Ильича» категорически предлагает:

«Не дадим поднимать голову происшествиям на районе».

И действительно, зачем давать происшествиям голову, когда ее (голову) значительно лучше сохранить в редакционном аппарате, чтобы не было неграмотных заголовков в газете.